
Хроника

КОНФЕРЕНЦИЯ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРНЫЕ ОБЛАСТИ СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ» И НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Конференция под таким названием была организована Институтом археологии Ягеллонского университета и Польским Товариществом Археологическим и проходила в Кракове с 20 по 22 сентября 1972 г. Сравнительно узкая тематика конференции, не слишком многочисленный состав участников, работающих над одними и теми же проблемами, обобщающий характер многих докладов — все это создало удивительно насыщенную рабочую атмосферу. В основном участниками были, естественно, археологи из самых разных мест Польши, кроме того, четыре представителя ГДР, один от Чехословакии и два от Советского Союза. К сожалению, не было археологов из Венгрии и Румынии, хотя потребность в их участии постоянно ощущалась, поскольку не раз возникали вопросы, лежащие в сфере их компетенции.

В археологии, науке сравнительно молодой и еще недостаточно отточившей и освоившей свои методы, мы часто наблюдаем на собраниях такого рода большой разноречивой в мнениях, взаимное непонимание или недопонимание из-за разности и необусловленности исходных предпосылок, а иногда и отсутствие интереса к происходящему в соседних областях. Отрадно отметить, что в Кракове подобного почти не наблюдалось, хотя в дискуссиях — и на заседаниях, и в кулуарах, особенно вокруг столов, на которых были разложены материалы из последних раскопок краковских коллег, — недостатка не было. Однако в большинстве случаев речь шла об уточнении деталей, а не о принципах подхода к материалу. Эти принципы представлялись достаточно установившимися и не нуждались особенно в обсуждении. Здесь нет возможности дать общую характеристику современного состояния археологии римского времени вообще и польской в частности. Но прежде чем перейти к более детальному изложению событий, хотелось бы отметить некоторые общие тенденции, в достаточной мере очевидные для большинства участников конференции.

Во-первых, на мой взгляд, наши польские коллеги сделали в сравнении с нами определенный шаг вперед в изучении культур римского времени, перейдя, да будет позволено такое сравнение, с уровня «молекулярного» на уровень «атомарный». Они предпочитают в конкретном исследовании не оперировать понятием «культура» в виде некой тяжелой, большой и нерасчлененной в хронологическом и территориальном отношении группы памятников. Они не отказываются от этого термина и понятия полностью, но культура распадается на ряд сравнительно более или менее мелких территориальных групп — «скоплений», занимающих сравнительно небольшую площадь, обычно в бассейне какой-нибудь речки. Это 20—30 памятников, но среди них, как правило, несколько или по крайней мере один достаточно полно исследованный могильник. Выясняется при этом, что каждое такое «скопление» имеет свою судьбу, в определенное время (не обязательно общее для всех) появляется и исчезает, в определенное время видоизменяется, тяготеет к той или иной культуре, подвергаясь одному или другому воздействию. Группа таких «скоплений» составляет культуру, однако отныне она теряет свои грани некоего кирпича с четко очерченными границами во времени и пространстве. Возможны скопления, имеющие переходный, межкультурный (гибридный) характер или видоизменяющие свой культурный облик на определенном этапе. Оперирование такими «скоплениями» привело к выде-

лению новых культурных групп и культур. Одни из них обозначились достаточно четко, другие имеют тенденцию обособиться, например Нидицкое «скопление». В результате ныне несколько иначе понимается пшеворская культура, воспринимавшаяся ранее как общепольская. От нее отделяются культура оксывская в эпоху Латена, затем западнопоморская и восточнопоморско-мазовецкая, группы лабуш-лужицкая и любошицкая. При этом отпала возможность соотносить эту культуру с венедами и именовать ее венеградской. Этот термин почти не звучал на конференции, что связано еще и с тем, что один из общих принципов сейчас — не давать археологической культуре этнического наименования. Поэтому и вместо культуры гето-гепидской фигурировал термин восточнопоморско-мазовецкая. В качестве примера работы на «атомарном уровне» кроме ряда докладов, о которых речь пойдет ниже, сошлемся на одну из статей Е. Окулича¹.

Думается, что при определенном состоянии материала методика, применяемая польскими исследователями, дает весьма весомые результаты. Поскольку, очевидно, за каждым «скоплением» скрывается некая родовая или племенная группа, то динамичная картина, получающаяся при «атомарном» исследовании, значительно более конкретна и ближе подводит нас к познанию реальной исторической действительности, чем исследование на «молекулярном» уровне, уровне культур.

Второй существенный момент — использование довольно дробного хронологического членения материала. В ряде случаев есть возможность определения даты с точностью до 20—30 лет. Многолетние усилия немецких, польских и чехословацких археологов, разрабатывавших горизонтальную стратиграфию больших могильников, показали, что типы вещей выступают повсеместно в определенных сочетаниях друг с другом, образуют своего рода пласты взаимосочетаний, в результате чего и была выработана дробная относительная хронология европейских древностей римского времени. Замечена была также и корреляция этих хронологических пластов (стадий) с определенным набором римских импортов, на основании которых Г. Эггерсом была сделана привязка к абсолютной хронологии². Даты же импортов в свою очередь базировались в основном на находках в кастеллах римского лимеса, время существования которых часто было достаточно коротким.

За последние годы, однако, были сделаны большие успехи в изучении отдельных категорий вещей, в том числе и импортов; появились новые данные о кастеллах, раскопаны новые могильники с горизонтальной стратиграфией. Все это заставило пересмотреть систему Г. Эггерса и уточнить ее. Такая работа была проделана польскими исследователями К. Годловским³ в отношении позднего римского времени, Р. Волянговичем⁴ и Т. Лианой⁵ в отношении раннего. В результате получилось следующее членение европейских древностей:

По К. Годловскому и Т. Лиане:		По Р. Волянговичу:	
Стадия	Дата, гг. н. э.	Стадия	Дата, гг. н. э.
B ₁	20—70	B _{1a}	10—40
B ₂	70—150	B _{1b}	40—70
B ₂ —C ₁	150—200	B ₂	70—170
C _{1a}	150—220	C ₁	170—210
C _{1b}	220—260	C ₂ —C ₃	После 210
C ₂	260—315		
C ₃	315—350		
D	350—450		

¹ J. Okulicz. Studia nad przemianami kulturowymi i osadniczymi w okresie rzymskim na Pomorzu Wschodnim, Mazowszu: Podlasiu. AP, XV, 2, 1970.

² H. J. Eggers. Der römische Import im freien Germanien, I—II. Hamburg, 1951; его же. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. «Jahrbuch des römisch-germanischen Zentralmuseums Mainz», 2, Jhrg. 1955.

³ K. Godłowski. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Krakow, 1970.

⁴ R. Wołagewicz. Napływ importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaju. AP, XV, 1, 1970.

⁵ T. Liana. Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim. «Wiadomości Archeologiczne», XXXV, 4, 1971, str. 429—491.

Подобное членение отражает действительность достаточно объективно, но имеет один недостаток. Границы между стадиями невольно получаются резкими, чего в действительности, очевидно, не было; они в значительной мере условны. Поэтому мы предложили на конференции еще один вариант членения, с периодами частично перекрывающимися друг друга:

Стадия	Дата, гг. н. э.
III фаза Латена D	15 г. до н. э. — 20 г. н. э.
B ₁	0—70
B ₂	50—170
C _{1a}	150—220
C _{1b}	200—260
C ₂	220—315
C ₃	300—350
D	330—450

В основном же в докладах и в дискуссиях использовалась система К. Годловского.

Теперь, когда читателю известны исходные позиции и методический уровень, с которыми польские исследователи собрались в Кракове, можно перейти к краткому изложению основных положений, выдвигавшихся докладчиками.

Центральное место на конференции занимал, пожалуй, доклад К. Годловского. Почти все поднимавшиеся здесь вопросы были так или иначе затронуты докладчиком, и название его почти полностью совпадает с тематикой самой конференции «Культурные области в римское время в Средней Европе». По сути дела К. Годловским была нарисована довольно сложная картина исторического развития всей Центральной Европы в I—IV вв. Коротко ее можно резюмировать следующим образом: на рубеже нашей эры и в последующее время в обширной области от Эльбы до Вислы и Буга можно наблюдать некое единство материальной культуры и достаточно единый ритм ее изменений, хотя для отдельных участков можно зафиксировать асинхронность ритмов и специфические местные проявления, не снимающие, однако, отмеченного единства до конца. Начиная со стадии B₁ в эту обширную область включаются Чехия и Моравия, и именно это событие и эти области определяют характер культуры всей стадии B₁. Связано это с продвижением маркоманнов к югу, где они знакомятся с достижениями кельтской и римской цивилизаций и где возникает государство Марбода. Устанавливаются пути по Эльбе и Одерско-Висленский путь — культурный импульс из областей к северу от Среднего Дуная охватывает всю Центральную и Северную Европу.

Одновременно или почти одновременно какие-то события происходят в Поморье. Исчезает обычай класть в могилы оружие, появляется биритуализм и погребения с каменными конструкциями. Если оксывское население предшествующего времени имело активные связи с пшеворцами, то теперь эти связи нарушаются. Зато устанавливаются контакты с населением бассейна Эльбы. К. Годловский решительно отказывается рассматривать культуру Поморья римского времени как оксывскую. При наличии некоторых оксывских элементов с началом римского времени происходит разрушение структуры этой культуры и возникает культура новая, представленная двумя вариантами — западным и восточным. Кроме двух культур Поморья в очерченной области можно выделить еще эльбский круг культур, распадающийся в свою очередь на ряд более мелких групп и особенно тесно связанный с чешско-моравской группой памятников. Наконец особое положение занимает в это время собственно пшеворская культура, охватывающая территории Великопольши, Силезии, часть Мазовии и западную Малопольшу. При этом отмечается несколько большая устойчивость и гомогенность этой культуры по отношению к соседним областям и несколько замедленный ритм ее развития.

Ощущается это и в следующей стадии B₂. На территорию пшевора почти не проникают некоторые нововведения, охватившие соседние области с востока, с запада и с юга. Здесь редко встречаются браслеты со змеиными головками, эсвидные крючки-застежки, грушевидные янтарные подвески, круглые фибулы-броши. И позднее, в стадиях C, таким же образом обтекают территорию собственно пшеворской культуры арбалетные фибулы. Они здесь представлены лишь одночастной формой с верхней тетивой.

Изменяются на стадии В₂ и границы этой культуры. В Мазовии распространение ее ограничивается лишь левым берегом Вислы, на западе обособляется в конце периода В₂ особая лабуш-лужицкая группа. Начиная со стадии В₂ определенные изменения происходят и в дальнем северо-восточном углу Польши, в области так называемой западно-балтской культуры. С этого времени она попадает в зону культур Центральной Европы. Особенно оживленные контакты фиксируются с Нориком и Паннонией, что объясняется установлением янтарного пути с Восточной Прибалтикой, который, однако, обходил стороной область собственно пшеворской культуры.

Существенные изменения происходят на рубеже стадий В₂ и С₁. К этому времени оформляется культура восточнопоморско-мазовецкая, охватывающая области в низовьях Вислы, восточной Мазовии и Подлясья. Она имеет тенденцию к расширению в юго-восточном направлении, на Волынь, в Полесье и вплоть до Молдовы, что сыграло не последнюю роль в формировании черняховской культуры. Одновременно отмечается распространение в южном и юго-восточном направлении и носителей пшеворской культуры. В этом движении на юг северные племена сталкиваются в Словакии, Венгрии и на Украине с носителями культур дакийского круга и сарматами, что способствует формированию стиля С (появление гончарной керамики, фибул с Ringgarnituren, подвязных фибул и т. д.).

К стадии С₂ черняховская культура окончательно оформляется, и с этого момента вплоть до конца IV в. Украина входит в зону центральноевропейских культур. Западная ориентация черняховской культуры отчетливо выражена. Начиная со стадии С₃, происходит постепенный распад единства пшеворской культуры. Можно выделить группы дободзеньскую, нижнесилезскую, группу Иголомия — Новая Гута и западномазовецкую.

Докладчик сделал попытку сопоставить наблюдаемые явления с данными письменных источников. Им отмечено, в частности, двойное понимание источниками термина Suebia. Оно включает в себя не только собственно Свезию в бассейне Эльбы, но под этим термином понимается и значительно более широкая область, включающая все земли Польши и Словакии от Среднего Дуная до Скандинавии, что соответствует определенному археологическому единству, особенно ярко выраженному именно для времени Тацита (рубеж стадий В₁—В₂). Группы и культуры внутри Свевии в широком смысле этого термина можно сопоставить с различными племенами и группами племен. Так, пшеворскую культуру К. Годловский связывает с племенным союзом лугиев.

Фиксируемые археологические изменения в общей картине распространения культурных групп также увязываются с данными письменных источников. Появление элементов эльбского круга в Чехии и Моравии и дунайских элементов в Свевии, оформление стиля В₁ совпадает по времени с движением маркоманнов и образованием государства Марбода. Движение поморско-мазовецкой культуры в юго-восточном направлении соответствует по времени и направлению движению готов, вандалов, герулов, тайфалов и других племен к берегам Черного моря.

При этом докладчик подчеркнул, что было бы бессмысленным искать в археологическом материале отражение движения племен и народов в виде перемещения целиком всего комплекса культуры, как пытались делать в свое время представители «этнической школы» Г. Коссины, ставившие знак равенства между археологической культурой и народом. В действительности такого прямого соответствия мы почти не находим, а передвижение населения улавливается нами лишь в некой тенденции к диффузии отдельных элементов в том или другом направлении.

Целый ряд положений К. Годловского нашел поддержку у других докладчиков, рассматривавших более детально отдельные части той общей картины, которую он пытался нарисовать. Естественно, при этом вносились определенные коррективы и изменения, не меняющие, однако, картины в целом. Так, в докладе Т. Лианы «Формирование стиля В₁ в пшеворской культуре» детально рассматривался вопрос о запаздывании появления этого стиля в пшеворе (40-е годы I в.) по сравнению с другими территориями. Т. Лиана объясняет это тем, что с разгромом кельтской цивилизации в Чехии и Моравии был прерван янтарный путь. Контакты пшеворцев с Моравией, столь оживленные в позднем латене, прекратились, и они оказались в изоляции. Возобновление пути происходит лишь в стадии В₂. Многочисленные конк-

ретные данные об этом вторичном возобновлении янтарного пути между Прибалтикой и странами на Среднем Дунае, обходившего, однако, территорию пшеворской культуры, привел в докладе «Связи побережья восточной Балтики и Самбии с югом в римское время» Е. Окулич.

Следуя общей тенденции обособления отдельных культурных групп Т. Домбровска в докладе «Начало римской эпохи на территории Восточной Польши» настаивает на специфическом характере пшеворских памятников Восточной Мазовии, Западного Подлясья, долины Буга, Сана, а также Люблинской возвышенности. Здесь, например, отсутствуют фибулы главной серии глазчатых фибул, редко встречаются, во всяком случае реже, чем в западных областях пшевора, фибулы Альмгрен 53 и 68, умбоны типов 5 и 6, по М. Яну. Здесь сравнительно редки погребения с оружием и богатые женские захоронения, а ямные погребения решительно преобладают над урновыми. Формирование стиля В₁, по мнению Т. Домбровской, тоже приходится на 40-е годы I в. и происходит в результате воздействия из западных областей пшевора. Далее на восток это воздействие не распространяется, и в развитии зарубинецкой культуры отсутствует стадия, которую можно было бы синхронизировать с материалами римского времени. Самые поздние проявления этой культуры — не ранее середины I в. Затем исследовательница обращается к взаимоотношению пшеворской культуры и липицкой и убеждается в отсутствии активных связей между ними. Между прочим, сомневается она и в отнесении к липицкой культуре такого памятника, как Колоколин, а к пшеворской погребения в Лучках, считая их кельто-дакийскими. Иной ритм развития и иной характер культур к востоку от рассматриваемой Т. Домбровской области приводит ее к выводу, что граница между Свободной Германией и Европейской Сарматией должна проходить не по среднему и нижнему течению Вислы, как считалось, а по **Западному Бугу**.

Ярким примером работы на «атомарном» уровне явился доклад М. Качинского «Проблема подразделения культуры судовской позднеримского времени и эпохи переселения народов». Рассматривая сравнительно небольшую территорию в районе Мазурских озер, среднего течения Немана, на Бебже и в верхнем течении р. Шупы, докладчик отметил, что для раннего римского времени здесь существуют два скопления памятников — в районах Венгожево и Мрожова, а со стадии С₁ появляются еще два — в районе Сувалок и Голдап. На стадии D заметен процесс унификации всех групп, а в эпоху великого переселения особый характер приобретают памятники в районе Аугустова.

Немало пищи для размышлений дает сопоставление докладов Е. Окулича и М. Качинского, посвященных северо-восточному углу Польши с данными, приведенными А. Таутовичусом (Вильнюс) в его работе «Культурные области на территории Литвы во II—V вв. н. э. и их связь с античным миром». Интересную проблему затронул в своем выступлении Я. Ясканис, занимающийся курганами ростольского типа в Подлясье и на Мазовии. Он рассматривает их как одну из составляющих культуры поморско-мазовецкой на поздних этапах ее развития. Синхронные в основной своей массе черняховской культуре, они дают достаточно яркие признаки связей с южными областями.

Начальной дате черняховской культуры был посвящен доклад автора этих строк. Рассмотрев имеющиеся данные в пользу датировки этой культуры II в., можно прийти лишь к отрицательному выводу. В составе черняховской культуры полностью отсутствуют вещи, диагностирующие стадии В₁ и В₂, хотя находки таких вещей и известны на этой территории. Но все они связаны с иной культурной средой. Самые ранние проявления черняховской культуры относятся к стадии С₁ и представлены немногими комплексами на Воляни и в Верхнем Поднестровье. Основная же масса черняховских могильников не ранее стадии С₂. Очевидно, нельзя провести резкую границу появления этой культуры. В сформировавшемся виде она представлена стадиями С₂, С₃, и D, т. е. не ранее 60-х годов III в. Но этому предшествовал довольно длительный период формирования культуры в течение стадии С₁, не включая, по всей вероятности, однако, начала этой стадии.

Схема, предложенная К. Годловским для западных районов Польши, для бассейна Одера, была уточнена и дополнена Г. Даманьским, обосновывавшим более дробное членение расположенных здесь памятников и выделившим специфическую

любопытную группу. Целый ряд уточнений и подробную хронологическую классификацию предложил также Р. Волангевич в своем выступлении, посвященном памятникам Поморья. Вопрос о группировке и хронологическом членении памятников Поморья вызвал, пожалуй, наиболее оживленные дебаты на конференции. Объясняется это, вероятно, тем, что при значительной пестроте памятников, при сложном переплетении различных элементов для воссоздания целостной картины на «атомарном» уровне еще недостаточно материала. Богатые коллекции погибли во время войны, довоенные публикации не всегда полны и доброкачественны, а вновь накопленного материала пока мало.

Определенные наблюдения исторического характера напрашивались и из сопоставления данных, приводимых польскими археологами, с материалами и выводами, сделанными их коллегами из ГДР. Это доклады «Восточные элементы в материалах области среднего Хавеля в раннеримское время» Х. Гейслера, «К культурному положению северной части Эльбско-Одерского междуречья в I—IV вв. н. э.» А. Лейбе и «Позднеримское время и начало эпохи переселения народов в бассейнах Средней Эльбы и Заале» Б. Шмидта.

Вполне согласовались с общей картиной, нарисованной К. Годловским, и материалы, продемонстрированные К. Мотыковой в докладе «К проблематике племен раннего римского времени в Чехии». Наконец, интересные проблемы происхождения серой гончарной керамики и распределения римских импортов в Восточной и Центральной Европе были затронуты в докладах С. Буратыньского и Е. Веловейского.

Несмотря на напряженный ритм работы, участникам конференции была представлена возможность ознакомиться с материалами из раскопок центра гончарного производства римского времени в Иголоме и осмотреть интересные объекты, открытые К. Годловским на могильнике в Крыспинуве около Кракова. Здесь в могильнике раннеримского времени (стадии В₁ и В₂) выявлены загадочные четырехугольники со сторонами около 5—7 м (размеры их варьируют), образованные канавкой около 1 м шириной и 60—70 см глубиной. В нескольких случаях прослежены ямки от столбов. В заполнении канавок встречаются кальцинированные косточки, маленькие кусочки угля, пережженные черепки и фрагменты неопределенных предметов из железа и бронзы. Наличие кальцинированных косточек позволяет К. Годловскому считать эти объекты остатками погребальных сооружений, характер которых пока остается неясным, а находки пережженных черепков кельтской расписной керамики позволяет относить их к эпохе позднего латена. Аналогичные объекты, по словам К. Годловского, известны в кельтском мире, а в данном случае связаны с так называемой кельто- пшеворской группой, занимавшей в эпоху позднего латена юго-западную часть Малопольши⁶. В целом из совокупности всех докладов и выступлений участников конференции начинает вырисовываться некая общая картина исторического развития Центральной Европы в римское время. Картина более динамичная и более конкретная, чем та, которую можно было нарисовать до сих пор, хотя и сейчас еще остается немало нерешенных вопросов и лакун в наших знаниях. Во всяком случае, когда в руки исследователей попадет том, где будут изданы материалы конференции, это может послужить стимулом для дальнейшего углубленного изучения затронутых здесь проблем, даст пищу для многих размышлений и позволит еще на один шаг продвинуться на тернистом пути постижения исторической реальности сложной эпохи под условным и не очень точным названием «эпоха римских влияний».

М. Б. Щукин

---

⁶ Предварительную информацию об этих раскопках см.: «Recherches archéologiques de 1970», Kraków, 1971, p. 37—44; «Recherches archéologiques de 1971», Kraków, 1972, p. 31—37.